

Matschke K.-P., Tinnefeld F. Die Gesellschaft im späten Byzanz: Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2001. 444 S.

Как заметили авторы книги, немецкие ученые Клаус-Петер Мачке (Лейпциг) и Франц Тиннефельд (Мюнхен), византийское общество, несмотря на все успехи византистики последних десятилетий, остается некоей тайной “за семью печатями” (с. 15). Это во многом верно: Византия – это не Запад и не Восток; это автократия (да еще с некоторым демократическим оттенком), а не деспотия; здесь нет восточных каст и западных сословий. Византия многое напоминает и одновременно ни на что не похожа. Особенно эта “самость” Византии проявлялась в поздневизантийское время. Пристальное внимание византистики к палеологовской Византии было стимулировано посвященной этой эпохе секцией на XIV Международном конгрессе по византиноведению в Бухаресте (1971). За последующие тридцать лет появилось немало исследований по византийскому обществу времени Палеологов, в том числе и принадлежащих перу авторов рецензируемой монографии¹.

Данное исследование выполнено К.-П. Мачке и Ф. Тиннефельдом в несколько иной манере, чем их прежние работы. Конкретно-исторический материал представляет здесь лишь некоторый фон без прорисовки отдельных деталей. Пожалуй, это единственное исследование о поздней Византии, где не упомянут исихизм, без отсылки к которому обычно никто из ученых не обходится. В целом исследовательские наблюдения ученых подняты над реалиями на концептуальный уровень.

Отказавшись от использования в своей книге понятий “класс” и в – какой-то степени – “сословие”, авторы рассматривают состояние и развитие поздневизантийского общества преимущественно через такую категорию, как “группа” – социальная, профессиональная, интеллектуальная и т.д.

В центре внимания исследователей находятся прежде всего три большие группы – аристократы, бюрократы и народ, представляющие основной фон, некий Hintergrund, и являющиеся своеобразной “триадой” византийского общества (с. 386 и др.). Фундаментальному исследованию групп этой триады посвящена вторая глава монографии (с. 15–98).

Аристократы рассматриваются как владельческая знать: им принадлежали земли в деревне и в городе, они владели целыми провинциями, имели апанажи и острова. Аристократы выделялись среди других групп прежде всего по происхождению. Они имели по 3–4 патронима и были отделены от остальных групп некоей незримой чертой. Понятия *μευοτῶνες* и *ἐλιφάνης* были употребимы именно в отношении аристократов. Они диктовали “правила игры” в верхах общества, отбирали кандидатов для игры, определяли ставки и снимали банк (с. 39). В годы гражданской войны аристократы были доминирующей, контролирующей и требующей силой (с. 55). Они вышли победителями из гражданской войны, но эта победа была Пирровой. Понятие “мегистан”, обозначавшее могущественных аристократов, после войны исчезает (с. 56).

Бюрократия, вторая из групп триады, как замечают авторы монографии, развивалась в раннепалеологовский период в сравнении с аристократией по принципу не “или – или”, а “как – так и” (с. 54). Центром реставрации бюрократии после латинского владычества стало финансовое ведомство. Социальная граница между аристократами и бюро-

¹ *Matschke K.-P.* Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354. В., 1971; *Idem.* Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981; *Idem.* Grund- und Hauseigentum in und um Konstantinopel in spätbyzantinischer Zeit // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte.* 1984. N 4; *Idem.* Bemerkungen zu den Mikro- und Makrostrukturen der spätbyzantinischen Gesellschaft // XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Moscow, 1991. 1. History; *Tinnefeld F.* Freundschaft und ΠΑΙΔΕΙΑ. Die Korrespondenz des Demetrios Kydones mit Rhadenos (1375–1387/8) // *Byz.* 1985. T. 55; *Idem.* Zur Krise des Spätmittelalters in Byzanz // *Europa 1400 – Die Krise des Spätmittelalters.* Stuttgart, 1984; *Demetrios Kydones.* Briefe / Übers. u. erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1981–1999. Bd. I, 1–2, II, III.

кратами вначале прослеживалась очень четко (с. 62); проникновение в правящие кланы, несмотря на существование явлений как вертикальной, так и горизонтальной диффузии, было затруднительным (с. 54). Даже кризис аристократии после гражданской войны не стал часом бюрократии. Баланс сил в целом соблюдался: аристократия поддерживалась материально крестьянским продуктом, а через и налоги он содержал и государственный аппарат (с. 58).

Место народа в обществе и его роль в качестве “демократического элемента” в поздней Византии рассмотрена в монографии в специальном разделе (с. 62–82). Народ – это и деревенские жители, организованные в общину, и жители города, где их неформальной организацией было соседство; народ – это и неоформленные группы бродяг и разбойники. Вспоминая о праве народа на восстание, авторы книги отмечают его активное участие в гражданской войне XIV в., после которой он уходит из общественного движения (с. 80). Однако во многом Константинополь до самого конца жизни империи оставался живым городом благодаря народу, толпе.

Большое внимание уделено авторами монографии такой группе, как “средние” (гл. 3, с. 99–157). “Средние”, по их определению, не большие и не маленькие, не совсем богатые и не полностью бедные, не носящих известные, знатных, блестящих имен, но все же не совсем безымянные; они знали, кем они хотели быть, но в конечном итоге не могли ими стать (с. 12). Особый акцент сделан на индивидуальных и коллективных отношениях и на актуализации групповых отношений (с. 144–153). “Средние”, по мнению авторов монографии, были более сплочены через краткосрочные торговые связи, нежели через фамильные отношения, ибо путь их становления как социальной группы при Палеологах был недолгим, что не способствовало складыванию фамильных традиций в области ремесла (с. 388).

Особо выделена (с. 221–385) при исследовании структур поздневизантийского общества группа носителей культурных ценностей – так называемые “литературно образованные” византийцы (или проще – литераторы). Объем характеристики этой группы превосходит характеристику любой другой группы, что несколько “деформирует” реальное соотношение структур и групп внутри общества. Число литераторов на самом деле не было большим – об этом может свидетельствовать хотя бы сопровождающий текст главы просопографический список, насчитывающий 174 человека, упомянутых в различных источниках эпохи. Стилистика главы 5, посвященной группе литераторов, несколько выпадает из общей исследовательской манеры, в которой выполнена монография, и производит впечатление “книги в книге”. Уже проводимая в главе дефиниция понятия “die literarisch Gebildeten” (с. 222–224) свидетельствует, что вычленив эту группу и легко (наличие образования, владение изощренной риторической техникой, нашедшей отражение в сочинениях), но и сложно, так как отдельные литераторы могли иметь аристократическое происхождение либо входить в группу бюрократии. Некоторые из рассмотренных в главе вопросов принадлежат к числу классических для этой темы (идеологические споры внутри группы, отношения “учитель – ученик”, ступени образования, локализация образованности, оценка литераторами социальных проблем общества). Украшением этой главы (хотя еще раз подтверждающим ее “выпадение” из общей исследовательской стилистики книги) является алфавитный список учителей и учеников в палеологовское время (с. 297–300) и общий просопографический список всех известных по источникам литераторов (с. 371–385). Последние из названных списков, впервые заявленный в 1971 г. И. Шевченко, включал 91 лицо и позднее дополнял А. Кажданом и другими исследователями. Представленный же в книге просопографический список литераторов, включающий, как отмечалось выше, 174 человека, выполнен идеально с точки зрения соблюдения классификационных формальностей; принадлежит он скорее всего Ф. Тиннефельду.

Обращаясь к вопросу об эволюции группы литераторов, авторы выделяют 4 фазы. Первая фаза (1260 – примерно 1320 г.) – это прежде всего время объединения литераторов вокруг императорского двора. Вторая фаза (1320–1354) названа в книге временем гражданских войн и споров вокруг паламизма. На третьей фазе (1354–1400) проявляются попытки сближения части литераторов с Западом либо же, напротив, поддержки учения Григория Паламы. И наконец, четвертая фаза (1400–1460) – последний рас-

цвет литературной жизни. В целом не вызывающая возражений периодизация этапов литературной жизни не отражает, однако, динамики статуса литераторов как социальной группы.

Несомненным достоинством монографии является то, что ее авторы не рассматривают поздневизантийское общество как нечто неподвижное: все структуры и группы представлены в динамике.

Наиболее генерирующим временем для аристократии была эпоха ранних Палеологов – первые 90 лет палеологовского правления. Это было время, когда родovitность имела особое значение как признак преэминентности общества. Аристократы формировались из клана, который был обычно близок к императорскому двору, к правящей династии. Упрочение аристократии в это время определялось концентрацией в их руках крупных земельных владений, а благодаря им – и власти. Хотя аристократия ни в этот период, ни позднее не была выделена в отдельное сословие, ее особое положение как элиты поддерживалось в значительной степени общественным мнением. Именно в ранний период, по определению авторов исследования, аристократы имели и экономический потенциал, и политическую влиятельность (с. 27). После гражданской войны середины XIV в., а точнее с 80-х годов этого столетия в силу осложнившейся экономической и политической ситуации аристократия (точнее ее часть) будет искать свое место на стезе предпринимательства, что само по себе не является закономерностью общественного развития, а скорее “выпадением из правил” (с. 387). Аристократы будут заполнять некий общественный вакуум, возникший после падения значения “средних”. Движимым мотивом этой общественной трансформации было со стороны аристократов стремление найти путь, который мог хотя бы в какой-то степени помочь сохранить привычный уровень жизни. Авторы исследования убедительно показывают, что такой неожиданный “поворот” со стороны аристократов был следствием отнюдь не общественного подъема, а действием, мотивируемым прежде всего страхом потери своего общественного престижа (с. 389). Нежелание отказаться от привычного жизненного стандарта толкало часть аристократии в непривычную среду. Но это не было сближением с *mesoi*. Поздневизантийская аристократия, вставшая, на путь предпринимательства, не может быть сопоставлена с элитой североитальянских городов (с. 390). Различаются не только размеры предпринимательской активности, но прежде всего направленность этой активности: не расширение дела и увеличение капитала, как у итальянцев, а лишь сохранение стабильности жизненных условий (там же).

Аристократическому предпринимательству авторы монографии посвящают специальную главу (гл. 4, с. 158–220), где рассматриваются исходные моменты и прототипы этого вида деятельности аристократов в позднее время, ее характер и структура, центры предпринимательской деятельности и ряд других вопросов. Однако следует отдать авторам должное; они проявили достаточную осторожность в определении этой группы, назвав посвященную им главу “Следы аристократического предпринимательства в поздней Византии”. Можно, однако, заметить, что проявленное авторами внимание к этой группе говорит все-таки о некотором преувеличении ее значимости в византийском обществе накануне его гибели. Авторов привлекла парадоксальность общественного “всплеска” в форме предпринимательства аристократов, что не могло не вызвать стремления особым образом сфокусировать внимание на этом материале.

Что касается динамики в статусе бюрократии, то ее развитие шло параллельно изменениям в среде аристократии (с. 58). В рядах аристократов стали появляться крупные фигуры, а социальная граница между аристократией и бюрократией, прослеживаемая очень четко в раннепалеологовское время, в конце жизни империи постепенно стирается (с. 62).

Основная идея авторов монографии при рассмотрении вопроса о постепенном переупорядочивании поздневизантийского общества по преимуществу представлена тезисом о том, что макроструктуры имеют тенденцию микроструктурироваться (с. 95 и др.). Аристократическая властная и владельческая элита через каналы семейных отношений постепенно теряет обособленность и превращается в известной мере в другую общественную группу. Народ же через микроструктурированные связи в виде сельской общины и городского соседства также со временем теряет свои параметры макроструктуры.

Авторы монографии, обратившись к идее микроструктурирования как к форме перепрофилирования общества, рассматривают в частности структуры свит и синтрофий – сюжеты наиболее дискуссионные в их интерпретации. Заслуживает внимания мысль авторов, что один и тот же индивидуум мог принадлежать к многочисленным общественным группам. Принадлежность к различным групповым объединениям отражает нечеткость общественных границ и является, по мнению авторов, типично византийским явлением (с. 394).

В палеологовское времени вехи трансформации общества просматриваются четко. Для раннепалеологовского периода характерны процессы макроструктурного характера (формирование и профилирование). С середины же XIV в. стали заметны следы общественного “истощения” и дезинтеграции (с. 96). Макроструктурные процессы начали блекнуть, деградировать, обращаясь назад и усложняя микроструктурную картину общества.

Следует заметить, что статус общественных групп и его изменения авторы стремятся рассматривать не только в реалиях их социальных параметров, но и через изменения в общественном сознании, самосознании и политических амбициях. Однако этот исследовательский ракурс остался в книге на “вторых ролях”. Не получил должного отражения и сюжет, вынесенный в название книги – *die Lebensformen*.

При выделении авторами больших групп поздневизантийского общества оказалась несколько стертой их типологическая оценка. В древнем Риме или во Франции эпохи абсолютизма были свои аристократы и бюрократы. Но их происхождение и место в обществе может быть определено лишь типологически. Как ни хотелось бы отбросить надоевшие социологические штампы, тем не менее не обойтись без конкретных оценок, ибо просто аристократии или просто бюрократии не существует.

Казалось бы, в книге представлен и сравнительный материал. Но он использован, пожалуй, преимущественно для характеристики такой группы общества, как аристократы. Однако нижней временной границей для сравнения является эпоха Македонской династии. Спрашивается, были ли какие-либо черты сходства по положению в обществе отдельных групп в более позднее время? Даже если эти параллели не прослеживаются, нужно было бы попытаться определить эпоху, когда произошел принципиальный “водораздел” внутри тысячелетней истории византийского общества.

Многочисленные краткие сравнения авторами византийской структуры общества со средневековой западной ведет их к постулированию отличий между этими обществами, но авторы не дают при этом объяснений устанавливаемых типологических отличий.

Порой в выводах встречаются и некоторые диссонирующие (надо полагать, случайные) оценки. К примеру, по замечанию авторов книги, к концу палеологовского времени наблюдается “картина общего обнищания, деградация общественных структур и потеря ими общественного уровня” (с. 395). Но одновременно имеются в книге и противоположные заключения: “важные основы этого общества могли и далее, в турецкое время, существовать”, “важные принципы общественной организации еще очень долго могли оставаться действенными” (с. 396).

Думается, что многие “недоговоренности” в авторских оценках можно объяснить их переходом на довольно новую систему понятий. Дефиниции “*die makrostrukturelle Formierung*”, “*Profilierung*”, “*Ausprofilierung*”, “*Kanalisierung*”, “*Positionierung*”, “*Massierung*”, “*Ausprägung*”, “*Potenz*”, “*Valenz*”, “*Konsistenz*”, будучи с языковой точки зрения довольно прозрачными, в византиноведческой литературе не совсем привычны и должны были бы, вероятно, соотноситься с устоявшейся системой координат.

Поскольку в книге подвергается анализу одно из крупнейших обществ средневекового мира, то вполне естественен вопрос об отношении авторов к понятиям “феодализм” и “феодализация” (тем более, что применительно к Византии они весьма спорны). В книге этот вопрос не снимается (с. 15, 32, 62), но и не обсуждается.

Обширное исследование Кл.-П. Мачке и Ф. Тиннефельда представляет собой первый опыт анализа поздневизантийского общества через призму состояния его групп и структуры как части общего целого (с. 92). В книге ощущается некая раскованность, освобождение от привычных (и набивших оскомину) терминологических пут. Многие наблюдения авторов, выделение этапов и связи и “отталкивания” общественных групп по-

зволюют по-новому увидеть общество палеологовской эпохи. Надо полагать, рецензируемая книга, как все новое, вдохновит на последующие исследования в этой области и даст почву для научных дискуссий.

М.А. Поляковская

Бородин О.Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб.: Алетей, 2001. 474 с. (“Византийская библиотека”)

Нет нужды доказывать, что история раннесредневековой византийской Италии – достойный предмет изучения, таящий массу нераскрытых возможностей для исследования не только особого, специфичного анализа, но и всей переходной эпохи, завершившийся становлением новых феодальных отношений. По сути дела это своеобразная “лаборатория”, позволяющая выяснять специфику становления одного из вариантов феодализма, не похожего на византийский и, вместе с тем, имевшего с ним общие корни. Незатухающий интерес к истории средневековой Италии, ее византийских владений на юге, в Апулии – Калаврии, и на севере, в Равеннском экзархате и обоих Пентаполях, наблюдается во все новых и новых работах, появляющихся по этой проблематике (Г. Рики – о Равенне, П. Арзура – о Неаполе в “темные века”, Б. Вард-Перкинс – о Северной и Центральной Италии, Г. Баркер – об италийском урбанистическом “пейзаже” I тысячелетия н.э., Дж.-М. Мартин и Х. Нойе – о городах и поселениях Италии V–X вв. и др.). В этот ряд последних фундаментальных исследований самым достойным образом вливается книга О.Р. Бородина, которая существенно пополняет вклад, сделанный известной, ставшей классической, монографией А. Гийу, изданной в Риме тридцать лет назад. Обращение к истории Равеннского экзархата в самом широком смысле позволило О.Р. Бородину решить ряд ключевых, принципиально важных вопросов, причем решить в аспектах, отличающихся существенной новизной. Главные среди них – уточнение организационной и социальной системы развития итало-византийских вооруженных сил, прослеживание формирования имперской идеологии в восточноиталийской зоне и на западе Европы, установление роли папства и Равеннской автокефальной архиепископии, выяснение специфики эволюции экономического (аграрного и городского) развития региона и в итоге выявление клубка причин, предопределивших к середине VIII в. отделение Северной и Средней Италии от Византии.

Следует отметить владение О.Р. Бородиным всеми нюансами историографии темы и энциклопедический охват всего комплекса доступных источников, включающего самые разные их типы. При характеристике источников, их систематизации автор учитывал как форму, так и содержание источников, отчего некоторые жанровые произведения, скажем, письма пап Григория I, Мартина I и др., оказались не среди эпистолярных памятников, а среди произведений богословского содержания (с. 34). По той же причине в одном разделе (“Памятники культуры”) оказались географический трактат Равеннского Анонима, ремесленный трактат об окраске мозаик и формулярный *Liber diurnus*, хотя последний носит явную печать актового, документального источника (с. 37–42). Правовые источники, которым было справедливо уделено особенно много внимания, оказались в предлагаемой систематизации на предпоследнем месте (с. 49–62), что не соответствует высокой степени их авторитетности, достоверности, а замкнул этот ряд исключительно ценный и информативный актовый материал, известный как “равеннские папирусы” (с. 62–67). К сожалению, в этом аналитическом обзоре оказался не учтен вклад нумизматических, сфрагистических и археологических источников, какими несомненно располагал и пользовался автор книги.

Структура последней тесно увязана с задачами исследования и в какой-то степени предопределена ими, что, впрочем, вполне оправдано. Первая часть работы (с. 69–88) охватывает проблемы социально-политической, церковной и административной истории византийской Италии (за исключением Апулии, Калаврии, Лукании и Сицилии), тогда как вторая часть (с. 189–340) посвящена истории северо-восточного региона визан-